

Папа-юморист

В. Коклюшкин. Юморист. Избранное. М.,

ПО «Детская книга» *Сегодня. - 1994. - 14 апр. - с. 10.*

Саратов

Роман Арбитман

К

ак известно, при советской власти честным писателям-юмористам жилось гораздо лучше, чем после. Официально разрешенных тем для рассказов, скетчей и монологов было всего две — теща и сантехник. Зато и шутки на эти темы, один раз автором придуманные, могли его кормить всю оставшуюся жизнь, при любом генсеке. А если писатель к двум дозволенным сюжетам отважно приплюсовывал еще один, полузапретный (общепит или служба быта), к гарантированным заработкам прибавлялась еще и слава отчаянного фрондера.

Виктор Коклюшкин выпустил свою книгу в неудачное время. Поводов к юмору стало головокружительно много, но все они оказывались какими-то ненадежными, скоропортящимися. Читая сегодня «Избранное», уже с мучительным трудом реагируешь на шутки по поводу пустых прилавков, талонов на сахар, заряженного (Чумаком) крема и какого-то кооператива АНТ. Проклятая нестабильность превратила авторов-юмористов старой школы в калифов даже не на час, а буквально на считанные секунды. Где Глян с Ивановым? Где Рафик Нишанович с тибетейкой? Где Луис Альберто? Где хотя бы депутат Челноков? Острога застревает в горле, скетч умирает, не успев родиться. Уходящая натура превратилась в убегающую; профессионалы-юмористы не расстаются с хронометрами — «сегодня рано, послезавтра поздно». Умный Жванецкий предпочитает шутить о себе и своей Одессе: эти хоть не убегут. Михал Михалыч держится молодцом, но он — исключение из печальных правил (у большинства его коллег нет ни своей Одессы, ни тем более своего Жванецкого).

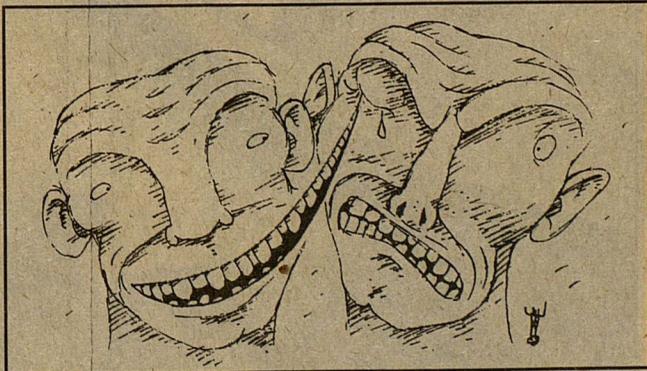
Книга В. Коклюшкина дает еще один повод для похвального слова тоталитарному режиму. В годы брежневско-сусловского самовластия автор не смог опубликовать повесть «Зонтик» или роман «Блеск», а потому вынужден был держать под спудом Посейдона Максимовича Блоха, Ивана Ивановича Кикимора-оглы, Дору Матвеевну Обстул и им подобных. Вырвись этот паноптикум раньше времени — и автору несдобровать, и читателю было бы неловко за эстрадного любимца (облик трудолюбивого автора «малых форм», аккуратного текстовика и т. п. потерял бы благодатную завершенность). Теперь же вышеназванная проза легко и незаметно канет вместе со

стотысячным тиражом: своя публика книг не читает, а чужую не жалко.

Впрочем, лично мне сборник В. Коклюшкина даже симпатичен.

Что толку цепляться к словам? Допустим, юмор автора простоват: «Кто своего зятя механиком устроил, хотя он кончил стоматологический!.. Он, падла, на турбину зубные пломбы ставил, пока она не взвyla!» Зато от одной этой цитаты веет сладкой ностальгией, да и, кстати, затронула практически вечная тема зубных врачей и отечественной медицины в целом. Вот, к примеру, сюжет рассказа «Репетиция»: при съемках эротического фильма главному герою-любовнику если что и хочется в жизни, так покушать. Соглашайтесь — скромно, вполне жизненно и пристойно. Вся книга честно убеждает, что «папин юмор» вообще по сравнению с юмором последующим не так и плох. В конце концов, в том же рассказе «Репетиция» речь идет о съемках не порнографического (со множеством изысков шведского свойства), а всего лишь эротического кино. Виктор Коклюшкин всего-то назвал свой сборник словом «Юморист» и не стал — несмотря на явные провокации молодого поколения — давать ему заглавие типа «Ох.енные шутки». Автор мог бы сегодня гордо поименовать себя кем угодно — Буддой, Наполеоном, генералиссимусом, американским культурологом, но вместо этого рискнул остаться просто «юмористом». На фоне всеобщей патологической мании величия самоуничтожительные характеристики в повести «Тут был Витя» выглядят диковинным цветком, который даже не хочется срывать для пополнения критического гербария.

Правда, книга Виктора Коклюшкина почти совсем не смешна. Однако ведь и «новый», «компьютерный» юмор (вроде любимых критиком Д. Быковым анекдотистов Асса и Бегемотова) тоже не смешон, да еще и груб. При всех прочих равных условиях справедливость требует признать правоту знаменитых строк Д. Минаева: «Кто ж нам милей? Отцы иль дети? Отцы! Отцы! Отцы!»

ТЕМП КОЗАЕВ

ПОДЗЕМНЫЙ ПЕРЕХОД